

Государственный и общественный строй в Иудее в конце эпохи Второго Храма

Завоевание Иудеи Помпеем повлекло за собой большие политические перемены. Сирия была окончательно превращена в римскую провинцию. Хасмонейскому государству Помпей предоставил некоторую автономию, урезав, однако, его территорию и подчинив его верховной власти римских наместников в Сирии. Автономное Иудейское государство лишилось всех областей, завоеванных Александром Янаем, и даже некоторой части земель, присоединенных Шим'оном Хасмонеем и Йохананом Гирканом. Отторгнутые от Иудеи земли включали всю прибрежную полосу от Кармеля до Рафияха, часть Идумеи (Мареша) и важнейшие районы Самарии. Таким образом, еврейское население Западной Палестины было разъединено, и непосредственная связь между Иерусалимом и Галилеей была прервана. Помпей и его преемники стремились восстановить влияние греческой элиты в стране и ослабить еврейское население, столь окрепшее в эпоху царствования Хасмонеев.

Правителем Иудеи был назначен Гиркан II, старший сын Александра Яная; он был лишен царского титула и пользовался лишь званием «этнарха», но сохранил за собой сан первосвященника. На Иудею была вновь наложена постоянная дань. Под влиянием своего советника идумеянина Антипатра, Гиркан всю свою жизнь оставался лояльным к римским властям. Как в прошлом, так и теперь евреи не желали примириться с таким положением. Об этом свидетельствуют частые вспышки восстаний против новой власти и ее представителей, начавшиеся в первые же годы римского владычества. Большинство этих восстаний возглавлялось сторонниками Аристокбула, младшего брата Гиркана.

Наиболее известная попытка восстановления независимости Иудеи была предпринята Мататией-Антигоном, сыном Аристокбула, в связи с вторжением парфян в 40 году до нашей эры. Парфянская армия помогла Антигону овладеть Иерусалимом, и тотчас же выяснилось, что подавляющее большинство еврейского народа сохранило верность дому Хасмонеев и сочувствует Антигону. Гиркан II был взят парфянами в плен, а Ирод, сын Антипатра, бежал в Рим. В Риме он был радушно встречен двумя триумвирами, Антонием и Октавианом, господствовавшими в эти годы. Они постановили передать власть Ироду и объявили его царем Иудеи. С помощью римлян ему удалось одолеть Антигона и его сторонников, и в 37 году до нашей эры, после пятимесячной осады, Иерусалим пал и перешел в руки Ирода и римлян. В подвластную Ироду территорию римляне включили почти все области Палестины, принадлежавшие Хасмонейскому государству.

Царство Ирода было результатом римской политики на Востоке; его характер и границы сложились соответственно соображениям и интересам Рима. Римские легионы проложили дорогу к победе Ирода над его иудейскими противниками, и они же охраняли его власть при вспышках народного гнева. Евреи все еще составляли подавляющее большинство населения страны, и царь Иудеи, естественно, должен

был исповедовать иудаизм. С другой стороны, для того чтобы включить в пределы царства Ирода и иноверческое население, в том числе и жителей эллинистических городов, восстановленных во времена Помпея и его преемников, было желательно, с римской точки зрения, лишить Иудейское царство еврейского национального облика, характерного для государственного строя Хасмонеев, в котором правитель совмещал в себе функции царя и первосвященника. Ирод выполнял все требования римской политики. Как военачальник и правитель, он всю свою жизнь шел рука об руку с представителями Рима на Востоке и постоянно доказывал свою готовность подавлять восстания евреев. Однако римляне были заинтересованы в том, чтобы Ирод носил титул еврейского царя. Поддержка, оказываемая еврейскому царю, была проявлением доброжелательства также и по отношению к еврейским массам в странах диаспоры; они были особенно многочисленны в восточных провинциях империи, и их лояльность считалась важным фактором в процессе консолидации римской власти.

Во внешней политике свобода действий Ирода была ограничена интересами Рима, но внутри своего царства власть его была безгранична. Лишь один фактор сдерживал его произвол: опасение, чтобы народ не впали в отчаяние и не взбунтовался. Восстание могло разрушить тот фундамент, на котором римляне основывали его царство. И действительно, Ироду удалось сохранить порядок и безопасность во всей подвластной ему стране, и при его жизни народное недовольство не вылилось в серьезное восстание. Держа народ в ежовых рукавицах, путем некоторых уступок в критические моменты, посредством полицейского надзора и при содействии отдельных общественных групп, интересы которых совпадали с его собственными, он сумел удержать власть в течение десятков лет, до самой своей смерти.

С завоеванием Иерусалима римлянами в 37 году до нашей эры наступил конец остаткам древних форм еврейского государственного строя. Управление государством перешло в руки личного совета Ирода, обсуждавшего все важнейшие дела страны. Между этим советом и предшествовавшим ему иудейским Синедрионом не было никакой преемственной связи, ни в отношении традиции, ни в отношении состава его членов. Другим центральным еврейским учреждением, авторитет которого значительно понизился во время Ирода, было первосвященничество. Так как он сам не принадлежал к священническому роду и никоим образом не мог быть облечен саном первосвященника, он был вынужден передать эту функцию другим. Он старался назначать на этот пост людей, которых ничто не связывало с хасмонейским прошлым.

В области администрации Ирод сохранил распорядки, сложившиеся в эллинистическую и хасмонейскую эпохи. Деревни были самыми мелкими административными единицами. Они были объединены в топархии, которые, в свою очередь, входили в состав более обширных территориальных единиц, как Идумея, Иудея, Самария, Галилея и Переея. Правителями всех этих областей назначались лица, преданные Ироду и пользовавшиеся его особым доверием. В основном они были либо родственниками царя, либо породнившимися с ним посредством браков. Вся территория царства Ирода была по существу включена в эту административную

систему. Ни Иерусалим, ни греческие города не составляли исключения. Газа была присоединена к Идумее, а Цезария к Самарии. Эти большие города служили административными центрами, и в них обычно стояли римские гарнизоны. Они также не были освобождены от уплаты дани.

В распоряжении Ирода было его собственное войско. Оно состояло главным образом из иностранных наемников, среди которых выделялись галлы и фракийцы. Однако постепенно, в целях обороны страны, привлекались к военной службе и жители больших греческих городов, основанных самим Иродом, как Себасте (Самария) и Цезария. Наряду с этими горожанами Ирод располагал и нееврейскими колонистами, жителями военных поселений. Они, как это было принято в эллинистическом мире, служили постоянным военным резервом для защиты царской власти.

Однако в царской армии служило и немало евреев. Относясь с недоверием к большей части еврейского народа, Ирод мобилизовал только тех, кто, по его мнению, был верен ему.

Таковыми он считал идумеев, близких ему по происхождению. Поэтому число их в рядах армии было относительно очень велико. Три тысячи идумеев были поселены и в Трахоне, на северо-востоке от Иордана, чтобы защищать эту область. Другим иудейским элементом, пользовавшимся доверием Ирода, были выходцы из Вавилона. Ирод предоставил им земли для поселения, и с течением времени они составили ядро оборонных сил таких областей Заиорданья, как Трахон, Башан и Голан.

Царство Ирода было отягощено непомерными расходами. Армия и административный аппарат, великолепные здания и новые города, царский двор и расточительность Ирода за границей — все это требовало больших средств. Частично эти расходы покрывались поступлениями от налогов и сборов. Кроме прямых налогов, тяжело обременявших, в первую очередь, земледельцев, существовали многочисленные косвенные налоги и пошлины. Постоянным источником дохода царской казны служили также обширные поместья, принадлежавшие лично Ироду. В большинстве своем это было имущество дома Хасмонеев, перешедшее в исключительное владение Ирода. Некоторые из этих земель, как, например, западная часть Изреэльской долины, сдавались в аренду и служили постоянным источником дохода царской казны.

Многие из придворных и министров Ирода были греками по происхождению, в том числе царский казначей Птолемей. В окружении царя находилось несколько светил греческой литературы, среди которых особенно выделялся знаменитый историк Николай Дамасский. Слава Ирода и его международные связи привлекали к его двору посетителей из всего греческого мира, некоторые из них даже выполняли важные государственные задания.

Как во всех восточных монархиях того времени, при дворе Ирода господствовала атмосфера постоянных интриг и конфликтов. Сыновья царя от его многочисленных жен соперничали друг с другом в борьбе за наследование престола. Особенно острая борьба велась между сыновьями Ирода от Мариамны Хасмонейской и его сыном от первой жены. В результате все трое были обвинены в заговоре против

царя и казнены по приказу Ирода. Антипатр был казнен всего за несколько дней до смерти отца. Все это набросило зловещую тень на личность Ирода, нанесло ущерб его престижу за пределами государства и превратило его имя в символ жестокости и насилия.

Ирод, больше всех других царей эпохи Второго храма, уделял внимание строительству новых городов и сооружению великолепных зданий. Его самым большим достижением было основание городов Цезария и Себасте. В Цезарии Ирод создал самый крупный порт страны, в Себасте он поселил многих солдат, освобожденных за выслугой лет. Огромный размах строительства Ирода превратил Иерусалим в одну из самых блестящих столиц на всем Ближнем Востоке.

Вражда между широкими кругами народа и Иродом началась еще до его вступления на престол и не прекращалась вплоть до его смерти. В глазах народа Ирод был тираном. Несмотря на то, что он защищал диаспоры евреев, обновил храм, оказывал помощь нуждающимся в неурожайные годы, созывал народные собрания, на которых разъяснял свою политику и отмечал свои достижения, это не могло сгладить укоренившейся вражды между Иродом и еврейской нацией. Истребление уцелевших членов семьи Хасмонеев обнаружило его непримиримую ненависть к предшествовавшей ему династии.

Хотя Ирод в целом сохранил верность еврейской религии, на деле его поведение задевало религиозные чувства народных масс. Чуждая народу дворцовая атмосфера еще больше усилила разногласия между царем и нацией, а засилье иностранцев, в большинстве своем греческого происхождения, в государственной администрации и основание городов с явно выраженным эллинистическим характером, которые должны были служить оплотом римлян против евреев, доказывали, какой политический вред для народа крылся в режиме Ирода.

Полная солидарность Ирода с идеологическими тенденциями римского принципата, включая и культ обожествления Августа, превозношение грубой физической силы и внешнего великолепия, пренебрежение моральными принципами и даже человеческой жизнью ради достижения эгоистических целей, все это углубляло пропасть между царской властью и широкими слоями населения. Ирод мог править Иудеей только посредством жестоких притеснений, путем отмены права собраний и свободных объединений, применяя систему бдительного полицейского надзора.

С общественной точки зрения царствование Ирода представляет собой переломный период, уступающий по своей значительности лишь тому, что наступил в результате репрессий Антиоха и восстания Хасмонеев. Как тогда, так и теперь пошатнулись основы старого общественного порядка. Часть высших сословий Хасмонейской эпохи была физически уничтожена, часть их пришла в упадок, и почти все они лишились своего влияния. Однако, несмотря на радикальные перемены, существовала и заметная преемственная связь между общественным строем эпохи дома Хасмонеев и строем, создавшимся в период царствования Ирода.

Особенное значение имела явно поощряемая Иродом тенденция к полной ассимиляции евреев, выходцев из эллинистической и вавилонской диаспоры, с коренным еврейским населением Иудеи. В среде знатных семейств эллинистической

диаспоры, в особенности в больших центрах, как Александрия, нередко господствовали воззрения и настроения, совпадавшие со взглядами Ирода. Рим служил им путеводной звездой в политической ориентации, и сотрудничество с ним было твердой основой для обеспечения их экономического и общественного положения.

С рядом таких семей Ирод завязал тесные сношения. Часть их переселилась в Иудею, и из их среды Ирод часто назначал первосвященников. Кроме евреев из эллинистической диаспоры, Ирод охотно приближал к себе и евреев, переехавших из Вавилонии. Процесс проникновения вавилонских семейств в высшие сферы иерусалимского общества отражается и в истории дома Гилеля.

Гилель и его род выдвинулись и заняли руководящее место в жизни страны в значительной степени благодаря общей политической линии царя, благосклонно относившегося к тому, чтобы знатные семьи, не связанные в прошлом с Хасмонейми, занимали ответственные посты. Это возвышение выходцев из Вавилонии как бы подчеркивало связь Ирода с лояльным ему еврейством Парфянской монархии.

После смерти Ирода в 4 году до нашей эры царство было разделено между его сыновьями. С устранением от власти его сына Архелая в 6 году нашей эры для большинства евреев страны началась эпоха непосредственного римского управления, продолжавшаяся до Великого восстания. После того как Август отстранил Архелая от исполнения обязанностей этнарха, историческая Иудея, Самария и Идумея были объединены в новую административную единицу — Иудею. Правителями Иудеи назначались римские наместники в чине префекта или прокуратора. Однако Голан, Трахон, Галилея и Перея составляли по-прежнему части мелких зависимых государств, во главе которых стояли другие сыновья Ирода.

Римский наместник был, прежде всего, главнокомандующим расположенных в Иудее воинских частей. Военная мощь Римской империи базировалась на двух основных элементах: на легионах и на вспомогательных отрядах. Легионы формировались из римских граждан, вспомогательные отряды, за исключением командного состава, вербовались из людей, которые не были римскими гражданами при их вступлении в ряды армии, но становились ими по окончании срока службы. Расположенные в Иудее воинские части состояли только из вспомогательных отрядов.

Лишь Великое восстание (Иудейская война) и восстание Бар-Кохбы доказали римским властям всю опасность мятежных брожений в Иудее, и привели к выводу, что и в Иудее следует держать легионы. Воины вспомогательных отрядов набирались преимущественно из жителей городов Себасте и Цезария, их главной базой была резиденция римских наместников — Цезария. Но и в Иерусалиме постоянно находилась когорта, главным заданием которой было соблюдение порядка в дни больших праздников. Пребывание римских войск приводило к бесчисленным столкновениям между евреями и властями.

Как и другие римские провинции, Иудея была обложена данью. Основой налоговой системы был ценз — периодическая перепись населения и оценка недвижимого имущества граждан для соответствующего разделения их на податные группы. Ценз базировался на подробных заявлениях о личном состоянии и об

имуществе. Эти заявления проверялись время от времени контролерами римской администрации. Во времена наместников поземельные налоги составляли большую часть доходов казны. Взималась и подушная подать, а также подомовой налог, который должны были платить жители Иерусалима. Кроме налогов, население было обременено многими пошлинами.

Одной из характерных особенностей римского владычества в эпоху принципата было то, что надзор над деятельностью местных судебных органов по уголовным делам находился в руках наместника. Подчинение уголовного судопроизводства наместнику было официально мотивировано заботой об общественной безопасности. На самом же деле римляне не были заинтересованы оставить в руках местных судов дела преступников, каравшихся иногда даже смертной казнью. И действительно, наместники часто применяли эту высшую меру наказания.

Римская власть оставила, однако, в руках местных учреждений широкие полномочия в области автономного самоуправления и использовала их для взимания прямых налогов и в целях надзора над населением. Высшим органом еврейского самоуправления был Синедрион — верховный суд в Иерусалиме. Компетенция верховного суда далеко выходила за узкие пределы Иудеи, и его постановления в области еврейской религии признавались римскими властями. В глазах евреев Синедрион продолжал быть наиболее авторитетным органом народного руководства, но в действительности в конце эпохи Второго храма римские власти ограничивали его полномочия, опираясь на пример предшествовавших им иудейских властителей, в особенности из дома Ирода.

Самой сплоченной группой в составе Синедриона были представители священнического сословия. Наряду с ними в заседаниях Синедриона участвовали старейшины и «знатоки священного писания» — софрим. Эти ученые были представителями фарисеев, и их значение с течением времени все более и более возрастало, благодаря их популярности в народных массах. Когда первосвященник принимал участие в заседании синедриона, он вел это заседание. Наряду с первосвященником со временем образовалось параллельное руководство фарисеев, возглавлявшееся потомками выдающегося ученого Гиллея: Гамлиэлем старшим и его сыном Шим'оном, носившими почетное звание рабана.

Круг деятельности синедриона включал в себе также функции городского совета Иерусалима. В конце эпохи Второго храма Иерусалим не был полисом. В нем не было культурных учреждений по образцу греческих городов, в его городском уставе не были предусмотрены регулярные народные собрания в установленные сроки и в заранее определенных местах. Все же некоторые иерусалимские учреждения носили греческие названия, общепринятые на римско-эллинистическом Востоке.

Однако Тверия, несмотря на то, что ее еврейское население составляло абсолютное большинство, была организована с самого начала по образцу греческого полиса. В Тверии был городской совет, который избирался народным собранием. Во главе городских властей в Тверии стоял архонт. Интересно отметить, что народные собрания проходили в синагоге.

В первый период непосредственного римского управления, за исключением

наместничества Понтия Пилата в 26–36 годах нашей эры, еще не чувствовалось обострение отношений между верховной римской властью и евреями.

Ненависть широких народных кругов к режиму Ирода и Архелая была так сильна, что вначале они даже были готовы примириться с той формой правления, которая была введена римлянами в провинциях. С другой стороны, в высших сословиях, в окружении первосвященника и в некогда близких к Ироду аристократических сферах, существовали группы, готовые охотно сотрудничать с римскими наместниками, так же как до того они сотрудничали с Иродом и его сыновьями.

Но уже тогда начала формироваться идеология революционных групп, рассматривавших любую чужую власть как зло, с которым необходимо бороться всеми возможными средствами. По их понятиям, евреям вообще запрещено подчиняться смертному царю, так как их повелитель только сам Б-г. Однако, когда улеглись первые волнения, вызванные введением римского ценза, между населением и властями, по-видимому, не было никаких кровопролитных столкновений вплоть до назначения Понтия Пилата наместником.

С появлением Пилата, по сохранившимся сведениям, все более начало усиливаться в народе недовольство римской властью, все чаще происходили беспорядки, и возникали различные мессианские движения, носящие, несмотря на свое разнообразие, явно антиримский характер.

В первые годы своего владычества римляне неоднократно пытались найти соответствующий подход к своеобразной проблеме управления иудейской страной. Власти считались с еврейской религией и с общепринятыми среди евреев традициями.

В Иерусалиме, например, в согласии с еврейской традицией, было запрещено выставлять статуи и портреты. Несмотря на все эти попытки, властям не всегда удавалось прийти к взаимопониманию с населением. Расхождению способствовал ряд объективных причин. Пребывание в Иерусалиме римского гарнизона само по себе приводило к распрям и столкновениям. Предоставленные наместникам прерогативы назначать первосвященника, хранить у себя его облачение и, таким образом, иметь надзор над храмовым культом, также раздражали народные еврейские массы. Обременительные налоги, жестокость наместников, вроде Пилата, считавшегося с иудеями намного меньше, чем его предшественники, и полная отчужденность между представителями власти и подвластным населением, все это способствовало усилению вражды между евреями и римской администрацией. С другой стороны, круги, убежденные в военном могуществе Рима, старались сгладить противоречия, исходя из вполне обоснованного опасения, что открытое столкновение с Римской империей повлечет за собой катастрофу для храма, Иерусалима и всей нации. Среди них были люди, преследовавшие при этом свои личные интересы, хотя многие действовали из честных побуждений, искренне заботясь о будущем народа. Но даже эти люди готовы были следовать примеру Хасмонеев, когда политика Рима угрожала самому существованию еврейской религии, как во времена императора Гая Калигулы, замышлявшего воздвигнуть свою статую в Иерусалимском храме.

Период римского наместничества был на короткое время прекращен царствованием Агриппы I, внука Ирода и Мариамны Хасмонеи. Три года Агриппа был царем всей Палестины. Он воспитывался в Риме, вращался в высшем римском обществе и пользовался в нем таким влиянием, какого не имел ни один еврей до него. Даже дед его Ирод был в глазах римской аристократии посторонним человеком, ценным только за его способности и услуги римской империи.

Агриппа же считался в высших римских кругах своим человеком. Но именно тот факт, что он досконально знал римское общество и римскую политику со всеми ее слабостями, с деспотизмом цезарей и прихотями их родни и фаворитов, объясняет, быть может, его отказ от полной солидарности с Римом. Из всех видных представителей дома Ирода он был самым выдающимся иудейским политиком своей эпохи, и в своем управлении Иудеей всецело руководился интересами своей нации. Он действовал в полном согласии и в тесном сотрудничестве с большинством евреев и с их признанными руководителями. Большая часть народа видела в нем скорее преемника Хасмонеев и истинного иудейского царя, чем наследника дома Ирода. Сравнительно продолжительный период правления наместников, суровые репрессии Пилата и террор времен Калигулы открыли современникам глаза на преимущество иудейского правителя, даже не полностью независимого. Агриппа, в свою очередь, делал все возможное, чтобы быть в еврейских областях своей монархии подлинным еврейским царем, и всеми средствами старался расположить к себе своих единомышленников. Были, правда, и радикальные круги, недовольные Агриппой и его поведением, но он не принимал против них враждебных мер, стремясь умиротворить их и достигнуть соглашения с ними.

После смерти Агриппы непосредственное римское управление Иудеей было возобновлено. За двадцать два года, предшествовавшие Великому восстанию, отношения между римскими властями и евреями все более и более обострились. Борцы за освобождение продолжали развивать свою деятельность в деревнях и в провинциальных городах Иудеи. В самом Иерусалиме общественный порядок был совершенно расшатан. Главы священнической олигархии и других кругов, претендовавших на власть, организовывали террористические банды, соперничавшие между собой за господство на улицах Иерусалима. Упорная социальная борьба велась между первосвященническими верхами и низшим духовенством. В результате в последние годы перед восстанием римская администрация в Иудее совершенно утратила контроль над страной, а официальные органы иудейского автономного самоуправления также не были в состоянии сохранить свой былой престиж. Почти полная анархия царилась как на улицах Иерусалима, так и в сельских областях Иудеи.

На исходе эпохи Второго храма евреи все еще составляли подавляющее большинство населения Палестины. Проживали они главным образом в Иудее, Галилее и Перее, что на восточном берегу Иордана. Лишь в одной области страны, во внутреннем районе Самарии, почти не было евреев, и самаритяне вклинились между двумя центрами еврейского населения — Иудеей и Галилеей.

Преобладающая часть евреев проживала в деревнях, хотя значительное количество было сконцентрировано в городах, как чисто еврейских, так и с еврейским большинством: в Иерусалиме, Иерихоне, Ципори и Тверии. Часть еврейских горожан

находилась в эллинизированных городах, составляя там высокий процент населения. Отношения между горожанами и деревенскими жителями были временами весьма напряженными и нередко принимали характер открытой вражды, сопровождавшейся взаимными нападениями.

Экономическое развитие Палестины конца эпохи Второго храма было обусловлено целым рядом новых факторов. Сравнительно продолжительный мир, царивший во всей Римской империи в эпоху принципата, способствовал расцвету средиземноморского района в экономическом отношении и укреплению связей между его различными частями. В этом процессе Палестина была исключением, так как частые волнения и столкновения между римскими властями и евреями и между евреями и другими жителями страны нарушали нормальный ход жизни.

Подавляющее большинство еврейского населения Палестины продолжало заниматься различными отраслями сельского хозяйства. Судя по описанию историка-современника Иосифа Флавия, это была процветающая земледельческая страна. В его изображении Галилея — край тучных земель, богатых пастбищ и тенистых рощ. Особое внимание историк уделял плодородию Генисаретской долины, про которую «...можно сказать, что природа напрягла все свои силы для того, чтобы слить здесь воедино все борющиеся между собой виды». О Самарии Иосиф Флавий говорил, что она не отличается от Иудеи: в обеих странах множество гор и долин, обе пригодны для земледелия и дают обильный урожай; в них множество плодоносных деревьев, как диких, так и садовых; дожди щедро орошают землю, и несравненна сладость вод текущих здесь ручьев, обширные пастбища — раздолье для скота, которому нет равного в других странах. Численность населения наглядно свидетельствует о достоинствах этих стран и их благодатных земель.

Сельское хозяйство Палестины базировалось на трех основных культурах: хлебных злаках, маслинах и винограде. В обычные годы снабжение страны своими собственными продуктами сельского хозяйства было вполне обеспечено; в засушливые же годы приходилось ввозить пшеницу из-за границы.

Картина, которую рисует Иосиф Флавий, создает впечатление, что он придает большее значение плодовым и фруктовым насаждениям, чем хлебопашеству, как видно, сельскохозяйственные культуры этого рода считались более доходными, чем выращивание хлебных злаков. Среди насаждений первое место занимали маслины. Они произрастали почти во всех заселенных евреями районах: в Галилее, в Заиорданье и в Иудее. Оливковое масло служило предметом экспорта уже в эллинистическую эпоху. В самой Иудее было множество оливковых рощ, но исключительно богата маслинами была Галилея. Заиорданье также изобиловало маслинами, причем особой известностью пользовалось оливковое масло Ревега. Наряду с маслинами разводились главным образом фиговые, финиковые и виноградные сады. Фиги были одним из основных продуктов питания. В эту эпоху большим спросом пользовались и местные финики, в особенности иерихонские, прославившиеся во всем мире. Особое место занимали бальзамные рощи и родственные бальзаму растения, соку которых приписывались целебные свойства.

Часть земли по-прежнему находилась в руках крестьян, интенсивно обрабатывавших ее при помощи своих семейств. Но имеются также сведения

о концентрации земель в руках властей или крупных помещиков. Бальзамные рощи находились в исключительном владении властей. Помещики сдавали земли в аренду издольщикам. Наряду с земледелием видное место в хозяйственной жизни страны занимали скотоводство и рыболовство. На Генисаретском (Тивериадском) озере еврейские рыбаки организовались в артели.

По своему значению в экономической жизни страны за сельским хозяйством следовали ремесла. Престиж ремесленных мастеров значительно возрос в еврейском обществе. В конце эпохи Второго храма даже крупные ученые нередко занимались ремеслами. Они стали отличительной чертой иерусалимской жизни. Среди ремесленников были такие мастера, как серебряники, золотари и специалисты по изготовлению ароматических веществ; многие добывали себе средства к существованию, занимаясь ткачеством, кузнечным делом или гончарством. В Иерусалиме было много рабочих и в связи с оживленным и крупным строительством, развивавшимся в столице со времен Ирода. Часть их была занята при реконструкции храмового здания, начавшейся в царствование Ирода и закончившейся лишь за несколько лет до разрушения храма. По завершении этой перестройки восемнадцать тысяч человек стали безработными и должны были перейти на другие работы. Ремесленники имели свои цехи; их мастерские сосредоточивались, соответственно роду занятий, в особых кварталах Иерусалима.

В эту эпоху еврейские жители страны стали принимать более активное участие в торговле, как местной, так и международной. Иерусалим стал постепенно крупным торговым центром. В Талмуде упоминаются три иерусалимских богача, снабжавших город всем необходимым во время осады. Среди богачей выделялись члены дома Ирода и представители священнической олигархии. Оживленную торговлю вели и многочисленные евреи, поселившиеся в портовых городах.

Параллельно шел процесс обнищания широких масс и целых сельских областей. Задолженность охватывала обширные круги, и низшие слои населения в крупных городах, в Иерусалиме и Тверии, всегда были готовы примкнуть к мятежным движениям. Большие группы обездоленных людей слонялись по всей стране и не гнушались прибегать к насилию как для осуществления общественных целей, так и из желания добыть себе пропитание. Волнения политического и общественного характера стали обыденным явлением. Нередко сжигались целые деревни. Дороги, связывавшие Иерусалим с другими частями страны, кишели грабителями и разбойниками в засадах. Отсутствие безопасности сопровождалось экономическим гнетом, еще более ухудшавшим положение. Крестьяне были обременены непосильными налогами, а репрессии римской власти усугубляли нужду народных масс. Арендаторы-издольщики были обязаны сдавать значительную часть урожая владельцам поместий, и возможно, что в некоторых местах страны неисправные должники обращались в рабов. Многие из крестьян, как и часть городского рабочего населения, превратились в сезонных батраков.

Безземельные крестьяне, бездомные беженцы из разных мест, оказавшиеся без занятия рабочие, все они служили резервами для восстаний и брожений в разных частях страны.

С течением времени каждый из трех районов, в которых было сосредоточено

большинство еврейского населения Палестины — Иудея, Галилея и Перея — обособился от других укладом жизни и обычаями населения. В Мишне эти три центра называются «тремя землями Израиля».

Особенно заметным было различие между Иудеей и Галилеей. Иудея играла первенствующую роль среди трех областей, главным образом благодаря Иерусалиму. Храм, с одной стороны, и духовные академии фарисеев, с другой, превратили Иерусалим в столицу еврейской нации. Город этот стал символом исторического величия еврейского народа.

По словам римского писателя Плиния, Иерусалим «был самым прославленным городом среди городов Востока, и не только Иудеи». Он беспрестанно привлекал к себе еврейских паломников из диаспоры. Его мощные укрепления служили источником гордости и чувства безопасности для евреев всей страны. Иерусалим был также центром духовного творчества. Здесь находились выдающиеся представители дома Гилеля. Духовные академии города отличались своей бурной деятельностью, и туда стекались жаждущие знаний не только со всех концов страны, но и из диаспоры.

Вторым по величине городом в Иудее был Иерихон. Окружавшие его плодородные земли, его географическое положение на пути из Заиорданья в Иерусалим, административная роль в Иорданской долине, забота Ирода и его наследников о развитии этого города и его окрестностей, способствовали процветанию Иерихона в конце эпохи Второго храма. В пределы Иудеи входили тогда также сравнительно большие города Яфо и Явне.

Перея в Заиорданье была вторым еврейским центром. Евреи Заиорданья разделяли стремления жителей Иудеи, и во время Великого восстания против римлян они боролись плечом к плечу с жителями Иудеи.

Третьим центром еврейского населения была Галилея. В последние десятилетия эпохи Второго храма Галилея процветала. Это был наиболее густо населенный район страны с большим числом деревень и городов. Галилея была колыбелью значительных религиозных и политических движений. Там зародилось христианство, и там возникло радикальное освободительное движение, во главе которого стоял Иегуда бен Хизкия. Уроженцами Галилеи были также Йоханан бен Леви из Гуш-Халава (Иоанн Гискальский), один из двух иерусалимских вождей во время осады Иерусалима римлянами, и Элазар, склонивший к полному обращению в иудейство правящую династию в арабском царстве Адиабена. Многие из галилеян поддерживали тесные связи с руководителями иерусалимской общественности. В этом отношении характерна связь Йоханана из Гуш-Халава с главой синедриона рабаном Шим'оном бен-Гамлиэлем.

На протяжении этой эпохи Иерусалимский храм был религиозным и общественным центром всей еврейской нации. Благодаря реконструкции здания Иродом этот храм мог соперничать красотой и великолепием с другими храмами в Римской империи. Массы жителей со всех концов страны стекались в Иерусалим на три праздника: Песах, Шавуот и Суккот. К ним присоединялись и многочисленные паломники из диаспоры. Целые села и города пустели во время паломничества. Это необычайное скопление народа способствовало общению и сближению разных

кругов населения из разных областей. Не случайно дни «восхождения в Иерусалим» создавали особенно подходящую атмосферу для революционной пропаганды и массовых выступлений.

Храмовая гора была резиденцией синедриона и культурным центром. Там изучалась Тора, и оттуда знание ее распространилось по всему миру. Знаменитые мудрецы, как рабан Йоханан бен Закай, толковали священное писание в Храме. Известно, что Иисус также проповедовал в Храме, а за ним и его первые последователи из общины евреев-назоритян в Иерусалиме, которая была зародышем христианства.

Расходы на жертвоприношения, на ремонт храма и другие затраты на его содержание покрывались в эту эпоху средствами из храмового фонда, в который стекались поступления со всей страны и из диаспоры. Благодаря доходам от подушного налога в пользу храма — «полусикля» — в его казне накапливались большие денежные резервы, которые могли быть использованы для удовлетворения городских нужд Иерусалима, эти богатства возбуждали жадность римских наместников. Однако высшая римская власть относилась благосклонно к храмовому культу и даже несла расходы по ежедневным жертвоприношениям за здоровье цезаря.

Большинство знатных семей священнического сословия было в ту пору по своим взглядам близко к саддукеям, а в особенности семьи священнической олигархии, из которых выбирались первосвященники, как дом Боэтоса и дом Ханана. К ним примкнули и многие из несвященнической знати, интересы которых были связаны с домом Ирода. Но фарисеи намного превосходили саддукеев количественно, а еще более своим влиянием на широкие слои населения.

Об этом пишет Иосиф Флавий: «Влияние фарисеев на народные массы до того велико, что к ним относятся с доверием и тогда, когда они выступают против царя и первосвященников». В рядах фарисеев находились люди разного происхождения. Во главе фарисейской партии стояли выдающиеся ученые того времени, как рабан Гамлиэль старший, рабан Шим'он бен Гамлиэль, рабан Йоханан бен Закай. К фарисеям принадлежали и многие священники, среди них и сам Йосэф бен Матитьягу, ставший впоследствии историком, известным под именем Иосифа Флавия.

Фарисейство превратилось в народное движение, руководители которого представляли собой самую влиятельную в народе группу. Возможно, именно рост этого движения привел к тому, что среди самих фарисеев появились расхождения во взглядах на проблемы первостепенной важности, в особенности на вопрос об отношении к римской власти. Самая значительная группировка фарисеев в конце эпохи Второго храма осталась верна руководству дома Гиллея и его идеологии. Во главе дома Гиллея в эту эпоху стояли рабан Гамлиэль Старший и его сын рабан Шим'он. Рабан Гамлиэль был вождем фарисеев, заседавших в Синедрионе, и его мнение было решающим в судебном процессе последователей Иисуса. Он выступил со всем своим авторитетом в их защиту от преследований партией высшего духовенства. В Иерусалиме, где протекала деятельность Гамлиэля, он имел много учеников и пользовался всеобщим признанием. Его сын Шим'он был духовным и политическим вождем фарисеев в годы, предшествовавшие разрушению храма. Его

соратником был рабан Йоханан бен Закай.

Ессеи — движение, зародившееся в раннюю эпоху Хасмонейского царства. Они продолжали развивать свою деятельность на исходе периода Второго храма и нередко играли важную роль в общественной жизни страны.

Согласно описанию еврейского философа Филона Александрийского, ессеи проживали в городах и деревнях Иудеи и не обладали никаким личным имуществом. Часть их занималась земледелием и отличалась глубоким знанием в этой области; другие занимались скотоводством и пчеловодством. Были среди них и ремесленники, но и они вручали полученный ими заработок выборному казначею, закупавшему все необходимое для их общины. Филон отмечает также, что ессеи не занимались производством оружия и торговлей в какой-либо форме. У них не было рабов, и никто из них не имел собственного дома. Они не только жили группами в коммунах, но их дома были всегда открыты для единомышленников. Все имущество, включая деньги и одежду, принадлежало коллективу. Их трапезы были также коллективными. Они заботились о больных и престарелых и предоставляли им все нужное.

Особенность ессеев и окружавшая их атмосфера святости содействовали их исключительному положению в еврейском обществе. Иосиф Флафий говорит о них всегда, как о секте, равной по своей значимости саддукеям и фарисеям. Их движение насчитывало свыше четырех тысяч человек. В Иерусалиме были городские ворота, именовавшиеся «воротами ессеев». Филон особенно отмечает их миролюбие. Ессеи были пацифистами, однако даже они, охваченные волной национального энтузиазма, приняли участие в Великом восстании и испытали на себе во время войны мстительную жестокость римлян.

Одно из характерных явлений в жизни, еврейской Палестины в конце эпохи Второго храма — это усиление партий, которые выросли на религиозной почве фарисейского иудаизма, но с течением времени заняли гораздо более радикальную позицию в вопросах политической свободы и отношения к Римской империи. Они вошли в историю под именем «ревнителеев» — зелотов — хотя в дальнейшем лишь одна группа национальных активистов обозначалась этим названием.

Иосиф Флавий связывает зарождение активного освободительного движения с превращением Иудеи в римскую Провинцию в 6 году нашей эры. Зачинателями его были, по словам Флавия, Йегуда из Гамалы, в Голане, и фарисей по имени Цадок. В его глазах участники этого движения составляли четвертую иудейскую партию, наряду с фарисеями, саддукеями и ессеями. Согласно Флавию Йегуда побудил народные массы к восстанию, порицая их готовность примириться с уплатой податей римлянам и признать какую-либо власть, кроме Б-га. Освободительное движение, руководимое Йегудой и Цадоком, было по своему религиозному мировоззрению бесспорно фарисейским. Однако, в отличие от фарисейства, оно возвело политическую свободу Израиля в религиозную заповедь и усматривало в подчинении власти римского императора тягчайший грех. Свобода восхвалялась как высший религиозный принцип при всяких обстоятельствах.

Йегуда считал подчинение римской власти грехом, равным идолопоклонству, и не признавал никаких компромиссов в этом отношении. Последствием этого мировоззрения была готовность жертвовать собой ради священной цели, вера в право

навязывать свои взгляды тем, кто не был готов идти тем же путем, и неустанный призыв к восстанию.

Галилейская ветвь этого движения осталась верной роду Йегуды. Его сыновья, Яков и Шим'он, играли активную роль во времена прокуратуры Тиверия Александра, а один из этого рода, Элеазар бен Яир, стоял во главе обороны Масады в конце Великого восстания. Одной из известных личностей этого круга в начале восстания был Менахем. Он провозгласил себя царем, и его появление в Иерусалиме было связано с идеей общественного переворота и с мессианскими чаяниями.

Не менее свободолюбивыми были и иерусалимские zeloty, хотя они во многом отличались от галилеян. Они не были приверженцами именитого рода или династии вождей и никого не провозглашали царем-мессией. Руководителями их были в большинстве своем священники и люди, имевшие связи с иерусалимской знатью. В их мировоззрении не играла роли идея общественного переворота.

Крайние течения были основным ферментом волнений во времена римского владычества и одним из решающих факторов Великого восстания, которое стало кульминацией всех этих волнений.

По материалам сайта jhistory.nfurman.com